

ЕКАТЕРИНА
НЕВОЛИНА

ОЛЕГ
РОЙ

ЦИРК
КОШМАРОВ

Олег Юрьевич Рой
Екатерина Александровна Неволина
Цирк кошмаров
Серия «Чужие сны», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6222192
Рой О. Цирк кошмаров : роман : "rcvj"; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-67308-7

Аннотация

Ап! – и занавес раскрылся. Ап! – и на арене клоун. Ап! – и публика в ужасе! Ап! – и кошмарные сны с цирковыми уродцами, убивающими друг друга не понарошку, снятся с тех пор Алисе и Олегу каждую ночь. И ребятам бежать бы подальше от воспоминаний о странном шапито, а они начинают расследование. И кто бы мог подумать, что безобразные карлики не сбой генетики, а следствие научных экспериментов, призванных решить благороднейшую цель! Бегите, ребята, прочь! Еще немного, и «Ап!» прозвучит для тех, кто навел пистолеты на ваши сердца...

Содержание

1	6
2	15
3	22
4	27
5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Олег Рой, Екатерина Неволлина

Цирк кошмаров

Памяти моего сына Женечки посвящается
Олег Рой

Всем, кто видит сны
Екатерина Неволлина

Сначала он принял ее за мешок с каким-то цирковым реквизитом.

Споткнулся о тело в подсобке и даже выругался сквозь зубы: чего, мол, тут накидали? Совсем о порядке забыли! А потом вдруг разглядел...

Она лежала, скорчившись на грязном истоптанном полу, и казалась совсем маленькой, не больше среднего размера собаки. Впрочем, она всегда была невысокой.

Он наклонился над ней, заглянул в остановившиеся глаза и почувствовал смертельный ужас. Они ее убили! Убили на самом деле!

Ее звали Венерой, как богиню любви, и это имя являлось горькой насмешкой. Венера была самой настоящей карлицей – с большой головой, похожим на обрубок телом и короткими пухленькими ручками и ножками. Лицо с большим шишковатым лбом и маленькими глазками цвета ореховой скорлупки казалось поразительно некрасивым. Зато она обладала настоящим величием духа, никогда не обижалась на злые насмешки и являлась самым добрым, самым родным существом на свете. Ближе у него не было.

И вот теперь она лежит, свернувшись калачиком, прижимая руки к животу – там, где старенькое полосатое трико насквозь пропиталось кровью. Он не отрываясь смотрел на ее спокойное неподвижное лицо, а потом вдруг перевел взгляд на ногу. От одной из балеток отскочила розочка, на месте, где она была пришита, темнело не выгоревшее на солнце золотистое пятно. Почему-то именно вид этой пострадавшей балетки переполнил чашу горя. Он издал какой-то дикий, утробный звук – не то вой, не то рыдание, а может быть, и то и другое разом. Затем осторожно поднял Венеру на руки и, медленно, даже величественно ступая со своей ношей, пошел на свет, в сторону арены.

Там еще шла репетиция. Уродливый клоун с всклокоченными неестественно рыжими волосами и криво наклеенной безжизненно-злой улыбкой подбрасывал в воздух разноцветные мячики; пара гимнастов занималась с воздушной лестницей; девочка, самая юная из них, определенная в цирк еще недавно, наблюдала за всем этим с разинутым ртом. Она еще не успела понять, что цирк – это не чудо.

Да какое уж тут чудо! Их цирк приносит вовсе не радость, а при взгляде на артистов неподготовленного зрителя бросает в дрожь. Они – уроды, монстры, почти что нелюди. Они и сами не умеют смеяться – где уж там с их судьбой! Они несут в этот мир кошмары и неутоленную дикую злость. Их цирк – цирк уродов, цирк кошмаров.

Девочка первой заметила его и его страшную ношу, и вскрикнула, и зажала рот обеими руками. От ее крика клоун выронил мячик и мрачно взглянул на нарушителей спокойствия.

– А, Венерка сдохла, – сказал он хриплым злым голосом. – Отмучилась – и ладно!

Тот, кто нашел ее, скрипнул зубами, но клоун расхохотался.

– Да не переживай ты так! Твоя Венерка была последней дрянью. Вот ты знал, что она моя любовница? Она же добрая, она никому не отказывала! А еще мне, между прочим, денег осталась должна. Теперь не отдаст. Тру-лю-лю, денежки! – Он снова подкинул мячики в воздух, и они замелькали разноцветным радужным хороводом.

Если бы на руках не было маленького, уже остывающего тельца, он схватил бы свои ножи и всадил клоуну в грудь – все семь. Один за другим. Каждый – ровно в сантиметре от предыдущего.

– Эй, Зорро! – крикнул ему сверху гимнаст. – Ты же знал, что когда-нибудь так и случится! Здесь все умирают!

Зорро – это его сценическое прозвище и вместе с тем имя, потому что такому существу, как он, не нужно отдельное имя, с него и прозвища довольно. Ведь его жизнь не существует вне сцены, езды по кругу на огромном вороном коне, рядом с которым наездник кажется еще меньше, еще более жалким, словно блоха, вне серебряного блеска семи ножей, которые всегда летят точно в цель, как бы быстро ни мчался конь, как бы ни была далека мишень...

Здесь и вправду все умирают. Жалкие отбросы, нужные обществу лишь для кратковременной забавы, они все встретят свою смерть. Но то, что это случилось с Венерой! И то, что это случилось сейчас!..

Глаза застлала белесая муть. Он едва различал грязный настил арены, выцветший хлопок старого, давным-давно вылинявшего шатра и уставившиеся на него лица. Вернее, рожи. Злые хищные рожи забытых и богом и чертом существ!

Он сглотнул, пытаясь протолкнуть внутрь вставший в горле ком. Не получилось.

– Он плачет! Наш храбрый Зорро рыдает о судьбе своей бедной сиротки!

Хриплый голос клоуна, как никогда, был похож на карканье ворона.

Ворон каркает к смерти.

Вот она – распахнула свои темные крыла и торжествуя парит над всеми ними. Смерть некрасива, она безобразна, почти как они, и вскоре ее ждет богатое пиршество!..

Уже стемнело. Редкие в этом пустынном районе фонари казались рваными ранами, истекающими бледно-желтой кровью света, тут же жадно поглощаемого ненасытной тьмой, исчезающего в ней. Накрапывал дождь, заливая струйками воды криво висящую под козырьком афишу.

**ТОЛЬКО ОДНО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ!
СПЕШИТЕ ПОСЕТИТЬ!
ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНЫЙ ЦИРК МУТАНТОВ ОТКРЫВАЕТ СВОИ
ДВЕРИ!**

Где-то вдали завyla собака, затем еще одна. Они – не люди, они явственно чувствовали приближающуюся беду, от которой вставала дыбом шерсть, а большое собачье сердце сжималось в крохотный, едва ли больше булавочной головки, комок.

Беда была близко.

1

Лотерея с сюрпризом

Алиса долго не могла прийти в себя после происшествия на чердаке школы. Олег провел несколько часов в районном УВД и вернулся ни с чем. Ему, в присутствии вызванной матери, задали несколько довольно формальных вопросов, списали паспортные данные и отпустили. Алиса тоже дала показания. Кратко, не болтая лишнего, не предназначенного для чужих ушей. На следующий день в школу она не пошла, сослалась на плохое самочувствие. О том, что у них практически полностью сменился преподавательский состав, девушка узнала от Олега, связавшегося с ней по скайпу.

А потом ей позвонила соседка по парте Оля.

– Привет! – затараторила она, едва Алиса сняла трубку. – Как жаль, что ты заболела. Нам такой важный материал дают... Хочешь, приду помогу с уроками?

Алиса всегда неплохо училась, хотя до соседки-отличницы ей было далеко, но сейчас девушка невольно поморщилась: слушать об уроках определенно не хотелось.

– Нет, давай не сегодня. Пока что мне лучше побыть одной, – ответила она твердо.

– Это точно. С вирусами не шутят, – вздохнула Оля, понявшая подругу по-своему.

– Как там в школе? – спросила Алиса, не зная, как продолжить разговор. Некоторое время назад произошли события, навсегда отделившие ее от одноклассников. Тот же Олег Волков, разделившей с девушкой ее тайну, стал ей гораздо ближе и понятнее.

– Да все то же, – удивилась Ольга. – У нас никогда ничего особенного не происходит!

Вот это заявление показалось странным уже Алисе.

– А как же Лиза? – осторожно спросила она.

– Ну... – подруга замялась. – Это, конечно, ужасный случай, но иногда такое бывает.

Алиса поежилась. Вот такого она точно не ожидала.

– Ты это о чем?

– О смерти Лизы, о чем еще?! – удивилась Оля.

– А о том, что случилось после нее... – напомнила девушка.

– А что после нее? – похоже, собеседница действительно не понимала.

– Ну... когда Лиза пришла в школу?¹

В трубке замолчали.

– У тебя что, температура? – спросила наконец Оля напряженным голосом.

Алиса молчала. Все видели, как Лиза Сапожникова прыгнула из окна, а потом, уже мертвая, приходила в школу, чтобы написать на доске злое предупреждение. И Оля тоже все это прекрасно видела.

– Але? Ты куда пропала? – забеспокоилась подруга.

– Я здесь... – Алиса начинала чувствовать себя странно. То ли она сошла с ума, то ли Ольга.

– Что ты за чушь там несла?

– Я... нет, ничего...

Алиса поспешила закончить разговор, а потом позвонила Олегу Волкову.

– Скажи мне, что произошло с Лизой Сапожниковой? – не тратя времени на предисловия, спросила она.

– Ты шутишь? – голос Олега стал звеняще-ледяным. – Это дурная шутка.

¹ Подробнее об этих событиях читайте в романе «Леди-кошка».

– Спроси о ней еще кого-нибудь, а потом перезвони мне, – попросила девушка и повесила трубку.

Волков перезвонил минут через пять, и голос у него был такой, что Алиса поняла – она не ошиблась.

– Ничего не понимаю, – сознался Олег, – я поговорил с ребятами, и никто из них не помнит ни про то, как Лиза приходила, уже после своей смерти, ни про другие странные вещи. Как такое вообще может быть?!

– Всякие штуки, влияющие на сознание, – выдвинула свою версию Алиса. – Как в фантастических фильмах. Всем просто-напросто внушили, будто ничего не происходило.

– А мы? – спросил Олег почему-то шепотом. – Почему мы обо всем помним?

– Вот это и есть вопрос на миллион долларов, – сказала девушка, а сама вдруг вспомнила о синеглазом парне, которого видела в мире снов. Не его ли это работа? Похоже, он непрост и может очень многое.

– Если мы не сумасшедшие, а лично я точно не сумасшедший, значит, кто-то за нами наблюдает, – заметил Волков. – Интересно, это связано с твоими способностями и хождением по снам?

Алиса и сама очень хотела бы это знать.

Всю неделю девушка сидела дома и думала... Думала она о том, как ей удалось зайти к Олегу в сон, почему у нее получилось и что делать с этим дальше. Она помнила, как детально представляла себе Олегову квартиру, его трость с серебряным набалдашником, помнила, как совсем незаметно для себя оказалась рядом с Олегом в его сне. Теперь Алиса размышляла, как и для чего можно использовать свою способность.

От долгих размышлений на Алису напала сонливость, и тогда мир вдруг становился серым и размытым. И в этом сером мареве постепенно стали проявляться контрастные детали. Ощущение было такое, словно на экране из плотного дыма неумелый кинемеханик пытается показать старое черно-белое кино. Алиса пошла к «экрану». Картинка стала приближаться. Девушка покрутила головой и увидела множество подобных картин. На всех происходило нечто особенное, напоминающее скорее фильмы – иногда романтические, с прогулками под луной; иногда ужасы. Словно перед ней оказались экранчики телевизора!

Внимание ее привлекла картинка с красивым островом. Там была лагуна, тихо покачивающиеся под легким ветерком пальмы, белоснежный мелкий песок... Это место казалось настоящим раем! Избежать соблазна было просто невозможно! Девушка решила хоть таким странным образом побывать там, куда так стремятся жители Северного полушария, и решительно направилась сквозь серый туман к бесшумной пока полосе прибоя. По мере продвижения стал слышаться шум ветра в листьях пальм, шорох волн на прибрежном песке, многоголосый птичий щебет и другие звуки, характерные для тропического острова.

Алиса пошла прямо к ласковой воде лагуны и не заметила парочку, весьма пикантно расположившуюся в тени раскидистой пальмы. Обнаружила она их только тогда, когда прямо над ухом у нее раздался удивленный и испуганный голос:

– Панова, а ты что здесь делаешь?

Перед ней стояла Светка из параллельного класса, одетая лишь в несколько золотистых полосочек, весьма условно изображающих купальник. Посмотрев ей за плечо, Алиса увидела человека, лицом и фигурой напоминающего известную звезду скандального телешоу.

«Вот где я оказалась! – сообразила вдруг Алиса, оглядываясь. – Это же Светкин сон! Неужели я так легко могу проникать в чужие сны?..» Это было и увлекательно, и страшно.

– Панова, я тебя спрашиваю, ты что тут делаешь? – повторила Света возмущенно и вместе с тем обиженно.

Алиса сначала смутилась – и вправду как-то нехорошо, наверное, видеть чужие секреты, но не нашла ничего лучшего, чем процитировать слова булгаковской Маргариты:

– Я тебе снюсь! – и, не удержавшись, хмыкнула: – Ну и вкус у тебя, однако!

В этот момент Алиса без всякого перехода оказалась сначала в сером тумане, а потом, открыв глаза, и в своей комнате – уютно свернувшейся в уголке кровати.

Любимая кошка Маркиза сидела у ее головы и настороженно, словно за мышью, следила за хозяйкой. Уши животного слегка подрагивали, словно оно тоже пыталось расслышать затихший уже шум моря.

– Ты понимаешь, что со мной что-то происходит, – прошептала девушка, почесывая кошку за ухом. – Сегодня я побывала в чужом сне! Во сне человека, о котором даже не думала! Это так странно, но так увлекательно.

Маркиза чихнула.

– Не соглашаешься? А зря! – Алиса почему-то вздохнула. – Вот я думаю, что не случится ничего страшного, если я иногда буду ходить по снам. Совсем немного. Только загляну – и уйду. Ничего плохого не сделаю, честное слово!

Кошка не ответила, но лизнула руку хозяйки горячим шершавым языком.

А в это самое время в школе происходили свои события...

* * *

– Светлана Соболева! Вы что, спите?

Девушка вздрогнула и поспешно замотала головой. Выглядела она очень нелепо, и добрая половина класса с готовностью рассмеялась.

– Понимаю, что сны вам интереснее химии. Наверное, прекрасного принца видели? – продолжала химичка. – Выйдите-ка к доске и для лучшего пробуждения напишите нам формулу реакции присоединения воды к кислотному оксиду...

При слове «сны» Олег, чертивший на последней странице тетрадки угловатые геометрические узоры, поморщился. Сны оказались особенной территорией, где переставали действовать привычные законы и правила, где могло произойти все что угодно. С некоторых пор он стал гораздо хуже спать – с одной стороны, мечтая вновь попасть в серый туман и найти там лабораторию, где в прошлый раз видел пропавшего отца, а с другой – боялся снова очутиться в этом царстве. Ведь без Алисы, без проводника, он, скорее всего, пропал бы там.

Алиса... Еще один пунктик внутренней дисгармонии.

Олег думал, что их сблизит совместная борьба против пытавшегося проникнуть в их мир зла, но в реальности все вышло совсем по-другому. Алиса вдруг резко отшатнулась от него, и сколько Олег ни пытался понять причины этого, сколько ни копался в прошлом, отыскивая собственные ошибки, картина мира не прояснялась. Видимо, понять женскую логику может только женщина. Если, конечно, это вообще возможно. Может, и логики-то никакой нет, есть одни капризы и переменчивое настроение. Сегодня подул южный ветер, и Алиса мила и приветлива, завтра настал черед северного – вот она повернулась, словно флюгер, и замкнулась. Эх, лучше не думать, а то и мозги закипеть могут...

Пока Олег размышлял над всем этим, Светку, всю покрасневшую то ли от неловкой ситуации, то ли от усилий вспомнить законы химических реакций, все-таки отпустили. Прозвенел звонок.

В школе было душно, и Олегу ужасно захотелось выйти на воздух. Он, бросив сумку в кабинете, где должен состояться следующий урок, спустился в холл и вдруг с удивлением обнаружил оживленно переговаривающуюся толпу.

Из любопытства он подошел поближе и наконец смог разглядеть небольшой аккуратный столик, за которым сидела миниатюрная женщина, очень похожая на куклу, с мелкими

чертами лица и ярко-блондинистыми волосами. Перед женщиной стоял ящик с прорезями и лежала тетрадка, в которую записывались имена и фамилии.

На стене возле нее висел плакат.

СБОР СРЕДСТВ НА НУЖДЫ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ.
ТОЛЬКО СЕГОДНЯ ПРОВОДИТСЯ ЖЕРЕБЬЕВКА МЕЖДУ
ПОЖЕРТВОВАТЕЛЯМИ. СЧАСТЛИВЧИК, ВЫИГРАВШИЙ В ЛОТЕРЕЕ,
ПОЛУЧАЕТ БЕСПЛАТНО ДВА БИЛЕТА В ЦИРК.

– А сколько можно положить? – спрашивал небольшой пацан с темными всклокоченными волосами.

– Сколько хочешь, – кукольно улыбнулась женщина. – Это добровольное пожертвование.

– А что, если я пятьдесят рублей положу, то тоже смогу билеты выиграть? – Он медлил перед коробкой и, очевидно, никак не мог решить, какую сумму пожертвовать так, чтобы не прогадать.

– Конечно.

– А если десять? – испытывал терпение парень.

– Ты можешь пожертвовать любую сумму, – лицо блондинки оставалось невозмутимым. – Жеребьевка будет случайной. Мы положим листочки с фамилиями участников в барабан, покрутим его и вытащим наугад одну бумажку.

– А если рубль?

В толпе засмеялись.

– Клади десять копеек! – посоветовал кто-то.

– Пять копеек! Копейку! – подхватили ребята. – Буратино, Буратино, дай денежку и попадешь в Страну дураков!

– Он богатенький Буратинко! Ему для детей-инвалидов и рубля не жалко! – смеялась какая-то девочка из средних классов.

– Мне мама больше пятидесяти рублей не дает! – лохматый паренек покраснел до свекольного цвета. – А кусок пиццы сорок рублей стоит.

– Да куда тебе в цирк! Ты сам как клоун! – захихикал тощий рыжий парень на полголовы выше темноволосого.

Олегу вдруг стало стыдно присутствовать при этой сцене и ничего не сделать. Понятно, что мальчишка из небогатой семьи, но это же не повод над ним насмеяться! И наверняка ему тоже хочется в цирк.

– Вот, – Олег, не считая, выгреб из кармана несколько смятых бумажек, – возьмите, пожалуйста, за него.

Ребята расступились, и он опустил бумажки в ящик.

– Сто пятьдесят рублей. Очень щедро, – блондинка улыбнулась, на этот раз более искренне.

Олег пожал плечами – что тут ответишь. А сам он не оголодает – мама всегда держит в холодильнике что-нибудь подходящее для перекусов.

– Спасибо! – пробормотал лохматый. Он явно стеснялся и даже не мог смотреть на своего спасителя.

– Вот что, – объявила женщина, – в розыгрыше будут участвовать обе фамилии. Как тебя зовут? – спросила она Олега.

Играть в эту странную лотерею он вообще-то не планировал, а потому слегка растерялся.

– О, наверное, все девочки вашего класса по тебе сохнут, – блондинка кокетливо взмахнула густо накрашенными ресницами. – Щедрый, добрый и к тому же скромный!

Участвовать в этом спектакле дальше Олег не собирался, но пути назад не было, оставалось только назвать фамилию.

– Олег Волков, – представился он и поспешно пошел прочь.

– Надеюсь, ты выиграешь, Олег Волков... – повторила женщина, склоняясь над тетрадкой.

К концу дня, получившегося довольно напряженным, он вообще позабыл о странной лотерее. Поэтому когда одноклассники бросились к нему с поздравлениями, Олег не сразу смог понять о чем, собственно, речь.

Оказывается, волшебный барабан для жеребьевки уже был запущен, и миниатюрная блондинка жестом фокусника извлекла оттуда бумажку с его именем. Осталось только забрать приз.

– Не, мне не надо. Не пойду, – тут же заявил Олег.

– Да ладно тебе, – рассудительно заявил Володька, главный отличник их класса, – на халяву же! И девушку какую-нибудь сводить можно. Посмеяться. Смех сближает!

Последний аргумент показался Волкову вполне достойным рассмотрения. А почему бы и вправду не предпринять совместный поход в цирк. Вполне дружеский, ни к чему не обязывающий поход. Когда он в последний раз был в цирке? Кажется, в классе втором-третьем. Самое время сходить.

Он спустился в холл и торжественно, под завистливые взгляды, забрал у блондинки билеты.

– Ты счастливчик, Олег Волков! – сказала она, улыбаясь – теперь уже снова профессионально-нейтрально. – Пусть везение и дальше будет с тобой.

– Спасибо, – буркнул он и, привычно похрамывая, зашагал к выходу.

Время представления приходилось на вечер пятницы.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что билеты – не в один из стационарных московских цирков, а в гастролирующий цирк шапито, расположенный где-то на забытой богом окраине.

Пришлось потратить на дорогу чуть более полутора часов.

День выдался мрачным, год уже прочно поворачивал на зимнюю половину, а поэтому, когда они с Алисой вышли из автобуса, было уже темно. С неба падали мелкие колючие снежинки. Первый снег в этом году.

– Судя по карте, нам сюда, – Олег решительно повернул на узкую, плохо освещенную улочку.

– Ты здорово ориентируешься. В тебе как будто компас встроен, – сказала Алиса с легкой завистью. Подул резкий ветер, и девушка поежилась в тонком жемчужно-сером пуховичке. Похоже, зима будет ранней и суровой.

– Ну и забрались! В самую пятую точку мира, – вздохнул Олег. – Теперь понятно, почему билеты дали за участие в благотворительной акции. Небось на эти представления у них вообще никто не ходит. Или окажемся единственными зрителями, или там соберутся точно такие же идиоты, как мы.

– Сто лет, наверное, не была в цирке! – Алиса говорила бодро и немного преувеличенно весело. – Было бы прикольно, если бы представление давали только для нас!

В это время они, согласно карте, еще раз повернули и неожиданно оказались перед большим шатром цирка, раскрашенным в яркие цвета. У входа были намалеваны огромные лица клоунов с неестественно широкими улыбками и красными шариками-носами.

– Вот и пришли. – Олег кинул взгляд на спутницу: не передумала ли, но она спокойно шагала рядом.

– Добро пожаловать на представление! – еще один клоун, на этот раз живой, только миниатюрный, на полторы головы ниже Олега, взял у них билеты и приглашающе отдернул довольно засаленную портьеру, закрывающую вход.

Ребята, не без доли недоверчивой робости, шагнули внутрь.

Цирк оказался очень просторным, даже большим, чем казалось снаружи.

В нем имелся традиционный манеж и высящиеся полукругом деревянные скамейки для зрителей, образующие амфитеатр. Вопреки ожиданиям народу набралось уже много. Публика, среди которой было неожиданно мало детей, шумно переговаривалась в ожидании представления.

– Куда нам? – Алиса огляделась.

– На первый ряд, в центре, – Олег еще раз сверился с билетами. – Странно, я думал, у нас такие элитные места потому, что никто больше не хочет идти на представление. А тут едва ли не аншлаг!

– Значит, представление хорошее!

Они пробрались на свои места в уже заполнившемся первом ряду, сели прямо перед сценой, и не успели еще толком оглядеться, как заиграли трубы, и на манеж выскочил клоун.

Это был не тот клоун, что встречал их у входа. Этого Алиса и Олег еще не видели – можно даже не сомневаться, потому что, увидев его однажды, навряд ли сможешь когда-нибудь позабыть.

Клоун был настоящим лилипутом. К тому же скорченным лилипутом с безобразным двойным горбом, коротенькими конечностями и перекошенным на одну сторону лицом, из-за чего традиционно нарисованная огромная клоунская улыбка казалась еще более жуткой. Его неестественно рыжие волосы были вздыблены, как у какого-нибудь сумасшедшего профессора из фильма. От вида этого клоуна Олега бросило в дрожь.

– Добренького вечера, дорогая моя публика! – противным писклявым голосом поприветствовал клоун зал. – Добро пожаловать в цирк мутантов! Впрочем, «добро» – это еще надвое сказано. Потому что кому будет добро, а кому и не очень! – Он потер маленькие ручки и захихикал. – Ведь только у нас вы сможете увидеть самые захватывающие и самые жуткие вещи! Только здесь распиливают на части и опускают под землю в настоящем гробу! Только здесь отважный наездник на полном скаку бросает кинжалы в свою бесстрашную и очаровательную ассистентку! Только здесь вас ждут самые настоящие монстры!

Последние слова он прокричал так торжественно и страшно, что по спине пробежала дрожь. Публика отозвалась нестройным шумом, кажется, вполне одобряя предложенную программу.

Олег взглянул на Алису. Она сидела вся бледная и широко распахнутыми глазами смотрела на уродца, который уже всю прыгал по сцене, разом подбрасывая в воздух разноцветные шарики, мелькающие так быстро, что получалась настоящая радуга.

– Я не знал, что это какой-то цирк мутантов, – прошептал Волков ей на ухо. – Извини. Хочешь, уйдем?

Алиса бросила беглые взгляды по сторонам, потом посмотрела на сцену.

– Нет, – шепнула она в ответ. – Как-то неудобно уходить... Если бы мы в последних рядах сидели... Посмотрим, может, оно еще ничего будет. Не понравится – сбежим в перерыве. Тут ведь должен быть перерыв?

Олег кивнул. Объявленная программа и выкрутасы несчастного уродца его определенно напрягали. Но, с другой стороны, они так долго добивались до цирка, да и погода на улице не то чтобы приятная, располагающая к прогулкам... В общем, жаль сразу поворачивать обратно. Возможно, Алиса права, и программа будет действительно приличной.

Как раз в это время появилась пара воздушных гимнастов. Мужчина и женщина. Они тоже оказались карликами и свое уродство не только не пытались спрятать, а, напротив, всячески подчеркивали – с помощью блестящих искрами костюмов, убого смотрящихся на толстых, похожих на обрубки тел; с помощью грима, превратившего и без того безобразные лица с шишковатыми лбами и раздвоенными носами в жуткие маски, в которых не проглядывало уже ничего человеческого. Вот уж действительно мутанты!

Однако, поднявшись на тросах под купол, уродцы оказались неожиданно ловкими и подвижными. Они выделяли немислимые сальто, совершали невероятные прыжки, от которых у зрителей замирали сердца, крутились и повисали вниз головой, держась на перекладине пальцами ног. Казалось, что законы земного тяготения над ними не властны, а тела не имеют позвоночника и прочих костей. При этом Олег не заметил у гимнастов страховки, и от этого становилось еще более не по себе. Так и мерещилось, что вот-вот одна из крохотных фигурок сорвется, чтобы камнем рухнуть вниз и недвижимой остаться на арене.

Это зрелище было противоречивым – и притягательным, и отталкивающим одновременно.

Зрители неистово аплодировали. Очевидно, представление имело успех. Хотя что они в нем находят, Олег никак не мог понять. Ему было страшно, и чем дальше – тем сильнее. Гнетущее впечатление подчеркивала музыка. Сопровождала выступление не обычная веселая цирковая музыка, а что-то мрачное, порывистое. Голоса скрипок звучали надрывными смертными стонами, трубы играли траурный марш, а барабаны били словно в сердце, и каждый их удар, казалось, вколачивал в него сваю.

Бум! Бум! – грохотали барабаны.

Ах, ах! – подхватывали литавры.

Не уйдешь! Пропадешь! – пророчили скрипки.

Всех предашь! Будешь наш! – мрачно подытоживали трубы.

На сцену вышла женщина, похожая на кенгуру, с закругленной спиной, неразвитыми руками и большими скрюченными ногами-лапами. Своими маленькими ручками она ловко подбрасывала разноцветные шарики, а затем повернулась, и Олега затошнило, потому что у женщины обнаружился самый настоящий хвост, похожий на хвост крысы или того же кенгуру. Он торчал из-под блестящей, усыпанной блестками юбочки и волочился по полу.

Олегу уже начинало казаться, что он сходит с ума. На виски давило, в голове туманилось, а в легкие вместо воздуха, подкрашенного кроваво-алыми огнями софитов и сдобренного каким-то восточным курением, казалось, поступал стопроцентный яд.

С детства у Волкова сохранилось совершенно другое впечатление о цирке. Однажды отец – он тогда еще жил в семье – водил сына в цирк. Олегу запомнилось что-то пестрое, многоцветное, веселое. Но теперь... То, что творилось здесь, было в корне неправильно. Да, именно в корне. Как будто у цветка сгнил корень, и от этого цветок, еще почему-то живой, получился неправильный, зловещий, несущий в мир вместо ожидаемого сладкого аромата запах тления и смерти.

В этот самый момент снова загрохотало, и на арену выбежал огромный гнедой конь. В его хвост и гриву были искусно вплетены алые и желтые куски шелка, и, когда скакун несся по кругу, казалось, будто это всполохи огня.

На спине у жеребца неизвестно каким образом держался крохотный человек, одетый в черное с серебром. Лицо его было раскрашено на манер индейских масок – в черное и белое. Грим не украшал карлика, напротив, затенял глаза и нос, превращая их в черные впадины, обрисовывал белым зубы – в общем, превращал, может быть, не самое приятное, но все же человеческое лицо в лицо самой смерти.

Откуда-то с высоты, из-под потолка, послышался дикий нечеловеческий хохот, от которого все тело снова словно пронзило током.

А из-за кулис вышла карлица – одна нога у нее была короче другой, поэтому она заметно прихрамывала, зато длинные золотистые волосы оказались распущены, маленькое плотное тельце облачено в белое платье, подпоясанное золотистым пояском. Макияж был ярким, но выглядел он на этот раз скорее попыткой приукрасить, чем испугать. Видимо, она – в пару безумствующему на коне чудовищу – должна была изображать красавицу.

Дойдя до центра арены, «красавица» спокойно водрузила на голову яблоко.

Очевидно, часть фокуса заключалась в том, чтобы наездник в гриме смерти на всем скаку швырял кинжалы в яблоко, помещенное на голове у карлицы.

Сама эта идея казалась Олегу небезопасной и вообще бредовой.

– Я не хочу этого видеть! – прошептала Алиса и, найдя руку Олега, крепко-крепко ее сжала.

Вот и правда, оказывается, цирк сблизает. Может, не совсем так, как представлялось Олегу, но тут все словно вывернуто наизнанку.

Он взглянул на арену и удивился.

Аттракцион принимал неожиданное направление.

Вместо того чтобы метать в ассистентку ножи, всадник вдруг резко осадил коня, и скакун, поднявшись на дыбы, забил в воздухе копытами.

– Это убийцы! – закричал человек, удерживающийся в седле, несмотря на опасные маневры коня. – Вы должны знать...

Что именно они должны знать, не было ясным, потому что музыка стала просто оглушительной – от нее едва не лопались барабанные перепонки.

Человек в гриме смерти ловко соскочил на арену и двинулся в сторону зрителей. Ассистентка пыталась его остановить, однако он, не глядя, оттолкнул девушку. Он шел прямо на них – на Олега и Алису, разевая рот в неслышном крике, а в обеих его руках было по узкому стилету.

Что-то пошло не так. Надо бежать, как уже бежали в панике их соседи.

Олег дернул Алису за руку, пытаясь увести ее из страшного места, но она замерла и не сводила взгляда с наступающего монстра.

Грохот музыки сделался невыносимым.

Уродец вскочил на барьер арены. Олег видел его уже очень близко: лицо, покрытое крупными каплями пота, темно-серые, почти черные глаза, сверкающие из-под черной краски, искаженный криком рот... А главное – тускло поблескивающие ножи. В этот миг Олег от крайнего напряжения видел все детали, даже маленькую татуировку в виде галочки или, может быть, латинской буквы V на кисти левой руки карлика.

Нужно было срочно что-то делать, и Волков, оттолкнув Алису, загородил ее своим телом. «Вот так цирк, вот она – благотворительность», – мелькнула в голове паническая мысль.

И в тот самый миг, когда он практически распрощался с жизнью, монстр вздрогнул всем телом, застыл на краю бордюра, словно донельзя чем-то удивленный, а потом рухнул под ноги парню.

Ужасающая музыка наконец смолкла. И по ушам ударила звенящая тишина.

Не веря происходящему, Олег нагнулся над телом и увидел, что из шеи человека торчит тонкая металлическая спица с оперением. Стрела, или, вернее, дротик.

– Помогите... – послышался тихий голос. Уродец на полу еще раз вздрогнул и вдруг вытянулся, замер.

– Он умер! Все это по-настоящему! – прошептала Алиса хрипло.

Олег вдруг понял, что, оказывается, она до сих пор крепко держится за его руку.

Что же здесь происходит, в этом ужасном безумном цирке?!

– Простите, уважаемые! – к ним подскочил седоволосый взлохмаченный человек. Не слишком высокий, но, похоже, не карлик и не уродец. – Простите за накладку! Мы страшно виноваты! – он прижал к груди руки, на которых Олег с неприязнью заметил массивный перстень и толстый золотой браслет-цепочку. – Наш сотрудник перенес недавно утрату и, видимо, повредился рассудком. У него случился припадок. Наверное, дурная кровь в голову ударила. Но ничего, «Скорая» уже едет.

– А разве его... – Олег посмотрел вниз. Над телом склонялись двое уродцев – один щупал пульс, другой вливал в рот что-то из пузырька. Металлическая спица больше не торчала сбоку шеи. Ее уже не было или не было вообще. Возможно, все только померещилось?..

– Я думаю, сердечный приступ, – седовласый вздохнул, как-то очень театрально махнул большим клетчатым платочком, который неувловимым жестом успел выхватить из кармана, и помощники потащили пострадавшего прочь. Лицо его казалось застывшим и неживым... или в этом виновата черно-белая маска?..

– Так он не умер? – спросила Алиса, не выпуская руки Олега.

– Надеюсь, нет. – В звенящей тишине послышался звук сирены «Скорой». – Ну вот, сейчас ему помогут. А вам полагается компенсация. Хотите билеты...

Алиса так заметно вздрогнула, что седоволосый поспешно замахал перед собой руками:

– Можем предоставить денежную компенсацию!

– Не нужно, – возразил Олег сухо. – Но мы хотели бы знать, что с этим человеком, выжил ли он.

– Благородно! – администратор, или кто он там, захлопал в ладоши. – Боже мой! До чего же благородно! А еще говорят, что мы теряем молодое поколение, что оно растет бездушным! Позвольте, молодой человек, пожать вам руку и выразить мое искреннее и наиглубочайшее восхищение!

Олег не собирался позволять ничего такого, но седой уже схватил его руку и затряс с такой силой, словно собирался оторвать.

– И все же... – решил напомнить Олег, чтобы за всем этим многословием не забылась, собственно, просьба.

– Ах да, – администратор вытащил из-под обшлага красно-зеленого бархатного и донельзя нелепого пиджака уже изрядно потертую и обтрепанную на уголках визитную карточку. – Буду обязательно, обязательно держать вас в курсе дела! Звоните в любое время дня и ночи! Как же я переживаю из-за несчастного Зорро! Бедолага! Как же он так повредился рассудком! Прямо на представлении!

– Зорро? – переспросила Алиса. – Его зовут Зорро?

Седовласый вздохнул.

– Да, Зорро – цирковое прозвище этого несчастного... Может быть, благородный молодой человек и прекрасная леди все-таки согласятся на компенсацию? Я буду в отчаянии! В настоящем отчаянии, – администратор вцепился в свои седые волосы, словно собираясь тут же вырвать их от переполняющих эмоций, – если у вас останется негативное впечатление от посещения нашего цирка! Примите, умоляю, мои множественные пардоны!

Олег никак не мог понять: ломает ли администратор комедию или, возможно, эксцентричная театральная манера выражаться и держать себя стала его второй натурой, накрепко впиталась в кровь.

– Спасибо, ничего не надо. Мы позвоним.

Он потащил Алису к выходу, и на этот раз девушка послушно последовала за Олегом.

2

Цирк гасит огни

Происшествие в цирке произвело на Алису огромное впечатление.

Неудивительно, что в эту ночь ей приснился кошмар.

Она оказалась в богато обставленной комнате. Мебель здесь была явно старинная, массивная, видно, что за этой мебелью тщательно ухаживают. Эту старинную обстановку совершенно не портят вещи двадцать первого века – огромная плазменная панель, монитор компьютера, сотовый телефон...

В комнате находилась женщина. Она была красива, хорошо одета, дорогие украшения матово поблескивали на ее руках и груди. По всему видно, что она более чем состоятельная. Она что-то напевала, с кем-то говорила на непонятном языке. Через некоторое время по характерному грассированию Алиса догадалась, что этот язык – французский.

Вроде бы совершенно мирная, безобидная картина, но девушка чувствовала разлитое в воздухе ощущение беды. Все было напряжено, девушке казалось, что вот сейчас – еще секунда – и произойдет нечто страшное, непоправимое! Тем временем женщина подошла к детской колыбельке. Младенца не видно, но Алиса знала, что он там. Вот женщина медленно склоняется над колыбелькой, отдергивает полог, и ее лицо искажается от ужаса.

Боясь до дрожи и в то же время не в силах противостоять собственному любопытству, Алиса склоняется над ее плечом...

В колыбели лежит мертвый наездник с разрисованным под череп черно-белой краской неподвижным лицом.

Алиса кричит... а в ушах звенит зловещий хохот, под который выезжал на арену Зорро...

Нет, это вовсе не хохот – всего лишь настойчивый звонок телефона...

Все еще содрогаясь от неприятного сна, Алиса скатилась с кровати и схватила разрывающуюся трубку.

– Привет! Еще спишь? – бодрым голосом человека, которому не пришлось только что вырываться из власти кошмара, спросил Олег.

– Вот теперь уже не сплю, – девушка одернула длинную футболку, в которой спала, и полезла обратно под одеяло – в комнате было свежо.

– Извини, уже половина одиннадцатого... – пробормотал Олег. – Я созванивался с администратором, помнишь, он вчера оставил нам визитку... и думал, что тебе будет интересно...

– Конечно, интересно! – подобралась Алиса.

Маркиза посмотрела на хозяйку укоризненно – мало того что спит до обеда, еще и забывает о своих прямых обязанностях: ты в ответе за своевременное кормление того, кого приручила!

– Владислав Иванович, ну, администратор, сказал, что все в порядке, пострадавшего удалось откачать и доставить в больницу. Что никто не погиб! Представляешь!

– Ну... – Алиса почесала за ухом недовольно мяукнувшую кошку: ласка-лаской, а еду она не заменит! – А это точно?

– Вот я тоже забеспокоился, а поэтому попросил разрешения навестить этого Зорро в больнице. И мне разрешили! – обрадованно сообщил Олег. – Сегодня же поеду взгляну на него.

– Я с тобой! – поспешно сказала девушка. – Сейчас, соберусь только...

Она вылезла из-под одеяла и, сопровождаемая нетерпеливо трущейся о ноги кошкой, пошла на кухню. Сначала кормление Маркизы, а уж потом все остальное.

Алиса вышла из подъезда ровно через час.

Олег уже ее ждал.

Он стоял к ней боком, глядя перед собой и словно не видя. В ушах – плеер, воротник короткого черного пальто поднят, в руках – та самая странная тросточка с рукояткой в виде головы мифического чудовища, она сразу выделяла Волкова из любой толпы.

Сейчас, когда Алиса увидела его, у нее защемило сердце. Он казался перенесшимся в наш обыденный мир из какой-то далекой сказочной страны. Он был особенным, а еще... очень одиноким.

Должно быть, почувствовав на себе ее взгляд, Олег повернулся к ней, вытащил наушники и приветственно взмахнул рукой.

– Спасибо, что позвал с собой, – сказала Алиса, чувствуя, что говорит что-то не то, что вместо этих пустых слов нужно сказать какие-то другие, по-настоящему правильные, после которых он перестал бы чувствовать себя одиноким, чтобы улыбнулся по-настоящему широко и солнечно.

– Извини, что втравил тебя в это, – Олег улыбнулся, как всегда, сдержанно и грустно. – Если бы я только мог подумать, чем обернется развлекательный, так сказать, поход.

Вот так всегда. Правильных слов не находилось.

– Пустяки, вдвоем мы живо распутаем это дело, – отмахнулась Алиса.

Дальше они шли к автобусной остановке молча. Неизвестно, о чем думал Олег. Алиса же вспоминала те события в школе, которые свели их впервые, а еще – синеглазого незнакомца, уже спасавшего ее в зыбком мире иллюзий и снов. Он закрыл вход и не выпустил из зазеркалья те силы, что пытались прорваться в наш мир. Он был таким могущественным и надежным. Неужели они никогда-никогда больше не встретятся?

Олег распахнул перед Алисой дверь маршрутки и посмотрел на девушку так, словно прочитал все, о чем она только что думала, и даже то, о чем боялась подумать. Алиса покраснела, ненавидя себя за эту особенность, и поспешно шагнула внутрь.

Серое здание больницы на фоне серого осеннего неба само по себе навевало уныние и смутное беспокойство. На проходной им сразу же выдали пропуск и сказали, где найти гардероб и как пройти в отделение.

В отделении, расположенном на девятом этаже, остро пахло лекарствами и безнадеей.

Дежурная медсестра проводила ребят в палату, где стояла всего одна кровать.

Глаза карлика были прикрыты, обе руки безвольно лежали поверх одеяла, и от одной тянулась трубочка капельницы.

Услышав скрип двери, он с усилием приоткрыл глаза. Вполне обычные, светло-серые. Без устрашающего грима он больше не пугал, скорее вызывал смутную брезгливость из-за несоответствия большой шишковатой головы узким детским плечам и крохотным ручкам.

– Здравствуйте... Зорро? – спросил Олег. Он подошел к самой кровати и разглядывал больного с интересом, показавшимся Алисе не совсем уместным – при виде уродства она инстинктивно отводила взгляд и уж никогда не позволяла себе пялиться на увечных или вот таких уродливых.

– Да, – тихо произнес, скорее выдохнул карлик.

– Мы можем звать вас так? Или у вас есть другое имя? – методично уточнил Олег.

– Это... – карлик сделал над собой усилие, стараясь говорить нормально. – Это мой сценический псевдоним, но все называют меня так, я привык.

– А скажите, Зорро, что с вами случилось? – продолжал расспросы Олег, словно играл в следователя, ведущего допрос.

– Простите, я вас напугал, – Зорро смутился, пошевелил пальцами, теребя одеяло. – Сам не знаю. Словно затмение какое-то. Я очень устал... А еще... как раз накануне умерла моя ассистентка. Мне не нужно было выходить на манеж, но я думал, что справлюсь... Простите...

Олег понимающе кивнул.

– А что вы такое все кричали? Музыка была очень громкая, и я не расслышал... – снова задал он вопрос.

Карлик нахмурился, на лбу проступили глубокие складки, а на висках вздулись вены. Минуты две он напряженно думал, а потом лицо расслабилось, и он виновато посмотрел на ребят.

– Не помню... Увы, ничего не помню. Я, как всегда, работал номер, был в седле... А потом – темнота. Очнулся уже здесь, в больнице.

– Жаль, что вы ничего не помните... – протянул Олег.

Алисе надоела эта бессмысленная игра в полицейских. Не нужно искать подвоха там, где его нет. Они вчера очень испугались, но, к счастью, все обернулось хорошо, все живы.

– Это не главное, – сказала она, кинув укоризненный взгляд на Волкова. – Главное – что вам уже лучше, это ведь так?

– Да, спасибо. Извините меня!

– Все в порядке, – отозвался Олег, наконец-то вспомнивший о правилах вежливости. – Выздоровляйте! У вас впечатляющий номер, и наверняка в цирке ждут не дождутся вашего возвращения.

Карлик подтверждающе кивнул. Выглядел он бледным и уставшим. Алиса, как и все женщины, чувствующая тоньше мужчин, поняла, что визит больному в тягость и он с нетерпением ожидает, когда же за ними закроется дверь.

– Вот возьмите, – девушка взяла из рук Олега пакет, о котором тот, похоже, совсем забыл. – Здесь сок и фрукты... Вам нужны витамины. Поправляйтесь быстрее.

– Спасибо! Вы так добры! – в глазах карлика сверкнула слезинка. – Ко мне редко кто так добр! Прошу вас, скажите ваше имя.

Теперь настал черед Алисы отчаянно смутиться.

– Алиса Панова и Олег Вол... – Она вдруг ощутила резкий тычок в область поясницы, но все же договорила: – Волков...

– Очень приятно! Я, как многие, подобные мне, верю в Бога и уповаю на Него... и я буду за вас молиться, – проговорил Зорро и, видимо, окончательно потеряв силы, закрыл глаза.

– До свидания! Выздоровляйте!

Олег и Алиса молча спустились в холл и вышли во двор, где резвился ветер.

– Ты зачем меня стукнул? – спросила девушка своего спутника.

Олег повертел в руках тросточку, покосился на мрачный серый корпус и тяжело вздохнул.

– Зря ты все этому типу выболтала, – сказал он, выходя из калитки проходной.

– Почему бы не назвать свои имена? Мы же не представились, когда вошли, и это очень невежливо...

– Этот тип тоже не представился, – заметил Олег мрачно. – Кроме того, мы вообще не знаем, кто он такой.

– Циркач. Наездник, или как они там называются, – напомнила Алиса.

– В том-то и дело, что нет.

Олег остановился и тяжело оперся на свою трость.

– То есть? Я не понимаю!

– Этот человек не тот, за кого себя выдает. Он не Зорро. То есть и его, конечно, могут звать так же, но он не тот, кого мы видели вчера. – Волков наконец взглянул ей в глаза. – Я, конечно, понимаю, что все уродцы похожи, к тому же Зорро выступал в густом гриме... Но глаза у этого посветлее, у того были почти черные.

– Может, тебе показалось? – предположила Алиса. – Из-за освещения и грима. Знаешь, такие вещи очень влияют. Видела я, например, в магазине одно платье, так на свету...

– А татуировку он тоже с руки свел? Или она пропала из-за особенностей освещения? – прервал ее Олег.

– Какую татуировку?

– В виде буквы V, я разглядел ее вчера очень хорошо.

Олег отвернулся.

– Ладно, пойдем, – он потянул Алису в сторону метро, – за нами, возможно, наблюдают. Не стоит давать им дополнительный повод для подозрений.

С минуту они шагали молча, а потом Алиса не выдержала.

– Ничего не понимаю! Что это все значит?

– Это значит то, что вчерашний Зорро умер, – мрачно произнес Олег. – А еще то, что в этом цирке монстров творятся какие-то страшные дела, по сравнению с которыми морды их актеров покажутся ангельскими личиками.

Алиса поехала. Похоже, только что они умудрились влезть в новую опасную передрягу...

* * *

Он вытащил нож из складок одеяла.

Ну и хорошо, что ни клинок, ни петля не понадобились.

Оружие и отдельная палата – все это входило в комплекс мер, предпринятых на тот случай, если мальчишка и девчонка слишком много знают. Пара умелых движений – и концы в воду, Москва – опасный город, мало ли что случается в нем с глупыми подростками?

Девчонка милая, а вот парень довольно противный, настороженный. Подозревает он что-то или вообще такой по жизни – непонятно. Да это и не его дело. Его дело – проинформировать об этой парочке кого следует, там разберутся, еще и не с такими разбирались. Олег Волков и Алиса Панова – так и запишем... Вам очень повезет, деточки, если эта встреча действительно окажется случайной и последней. Если перед ним поставят задачу разобраться с конкретной проблемой, он разберется. Он – настоящий профессионал. Это подтвердил бы хотя бы тот же Зорро. Ах нет, Зорро уже ничего подтвердить не может. Сдох и присоединился к своей Венерке. Какая жалость! Можно было бы вообразить, что они теперь беспечно резвятся на облачках со свитой толстомордых кудрявых ангелочков. Но нет, никакого рая нет, как нет добра и справедливости ни на земле, ни на небе.

Он знал это абсолютно точно. Лучше, чем кто-то другой!

* * *

В этом богом забытом месте, похоже, всегда властвовал холодный колючий ветер.

– Я хотел бы, чтобы ты подождала меня здесь. – Олег посмотрел на Алису, зябнущую в тоненьком пуховике. – Там может быть опасно.

– Вот поэтому я и иду с тобой! – словно глупому, объяснила девушка.

Ну конечно, вдвоем всегда проще и надежнее, чем одному, а о том, что страх тоже делится надвое, то есть становится вдвое меньше, – и говорить нечего!

– Будь очень осторожна! – попросил Олег.

Они прошли уже знакомыми, пустынными даже днем улицами, где ветер гонял по растрескавшейся мостовой обрывки газет и сухие листья, и вышли к куполу цирка. При скудном свете осеннего дня шатер казался еще мрачнее и затасканнее. Алиса разглядела несколько грубо прилаженных заплат.

Никого не было видно. Ребята, держась подальше от самого шатра, чтобы не привлекать внимания, обошли его по широкой дуге и попали на большую стоянку. Сейчас на ней были припаркованы два здоровенных трейлера, на чьих металлических корпусах красовались цирковые эмблемы, не слишком умело нарисованные рожи клоунов и сделанная веселенькими разноцветными красками надпись: «ЦИРК ШАПИТО».

– «Шапито» – это название цирка? – поинтересовалась Алиса.

– Это общее название таких походных цирков с шатром, который можно собрать и разобрать. Все бродячие цирки называются шапито, – ответил Олег, даже не задумавшись.

– Откуда ты всё знаешь?

Кажется, Олег немного смутился.

– Не всё, – отмахнулся он. – Просто вчера немного полазил в Интернете, почитал про цирки. Ты же знаешь, что я могу найти в Сети всё, что нужно.

Ребята осторожно подошли поближе.

У одного из трейлеров имелся прицеп, откуда ощутимо пахло лошадьми и доносилось фырканье. Как раз сейчас дверца этого прицепа открылась, и появилась девочка лет, может, шести, в клетчатой флисовой курточке и длинной синей юбке. По виду совершенно обычная, светловолосая, лицо ее казалось милым благодаря выразительным голубым глазам. В руках девочка несла большой таз. Видимо, она помогала при цирке.

– Привет! Не бойся нас, – Алиса присела перед ней на корточки и улыбнулась.

– Я не боюсь, – девочка смотрела на посетительницу с любопытством.

– Как тебя зовут?

– Зита! – представилась девочка.

Алису удивило экзотическое имя нежной блондинки, похожей на ангелочка.

– Ты, Зита, работаешь в цирке?

– Нет, – она с сожалением покачала головой, – меня только учат. Я пока помогаю.

Зита с охотой отвечала на вопросы и не собиралась никуда бежать, а поэтому Олег молчал, предоставляя Алисе налаживать контакт, раз уж у нее это так хорошо выходит.

– А ты знала Зорро? – спросила Алиса, убедившись, что никто не наблюдает за их беседой.

– Да, – девочка кивнула, – он хороший. А однажды он принес мне конфеты! Настоящие!

Она говорила это с такой радостной похвалой, что Алиса едва не расплакалась. Нелегко живется этой девочке, если обыкновенные конфеты для нее кажутся чем-то сродни чуду.

– А потом сдохла Венера, и он очень расстроился, – продолжала рассказ Зита.

– Венера – это лошадь? Или собака? – все же решил уточнить Олег.

Девочка взглянула на него, словно на сумасшедшего.

– Венера – это тетя. Его помощница, – пояснила она спокойно. – Она некрасивая, зато смелая. Я тоже хочу вырасти такой же смелой!

Алиса и Олег переглянулись.

– А что было дальше? – поторопила Алиса, шокированная применением слова «сдохла» в отношении человека.

– А дальше Зорро тоже сдох. Мне сказали, что он ушел туда, где ему будет лучше, но я точно знаю, что это обозначает «сдохнуть»! – взмахнув длинными ресницами, объявила девочка.

– Зита, нельзя так говорить! – Алиса взяла девочку за плечи и покачала головой. – Никогда не говори так про людей!

– Мы не люди, – Зита смотрела на нее наивно и в то же время уверенно.

– И кто же вы? – растерялась Алиса.

– Монстры! – не колеблясь ни секунды, ответил голубоглазый ангелок.

– Не говори глупости! – девушке стало казаться, что Зита над ней издевается. – Какой же ты монстр? Ты очень красивая девочка.

– Нет, монстр, – упрямо затрясла головой Зита. – Мы с Гитой монстры, и мы будем выступать вместе!

– С Гитой? – Алиса снова оглянулась. – Вы пока помогаете цирку вместе?

– Нет, Гита очень слабенькая. Хотите посмотреть?

Девочка вдруг расстегнула молнию курточки, и Алиса отчаянно завизжала: прямо из живота Зиты выступало уродливое сморщенное личико вросшей в ее тело сестры-близнеца.

– Кто здесь? – послышался мужской голос, хлопнула дверца фургона.

Олег схватил Алису за руку и потащил прочь.

Они бежали, не останавливаясь, пока не убрались на достаточное расстояние от страшного цирка.

Алису еще трясло, и Олег прижал ее к себе, глядя по волосам и бормоча что-то успокаивающее. Она почти не разбирала слов, но потихоньку затихала, согретая его теплом и защитой, которая в эти минуты ощущалась необыкновенно ясно.

– Видишь, все-таки не надо было идти со мной, – сказал Олег, когда девушка немного успокоилась.

Они зашли в небольшое кафе и взяли по чашке крепкого чая с тягучим, сладко пахнущим медом.

– Это ужасно! – Алиса грела обе ладони о большую белую керамическую чашку. – Этот цирк мутантов – самое ужасное, что я когда-либо видела!

– Ужаснее тех монстров с головами животных, которые пытались прорваться в наш мир? – уточнил Олег.

Алиса кивнула.

– Самое ужасное, – тихо сказала она, – что это – люди! Почему они такие? Откуда такие берутся?

– Радиация, болезнь, ошибка в коде ДНК, – предположил Олег. – Если хочешь, я поищу в Интернете. Знаю, что в нашей стране была авария на Чернобыльской атомной станции, в воздух попало много радиации, оттуда и многочисленные мутации...

– Но как все эти мутанты оказались в одном цирке? – Алиса смотрела в чашку, где кружилась в водовороте одна несчастная чайника, и думала, как это хорошо, как, оказывается, чудесно, что у нее самой есть руки и ноги – точно положенное количество рук, ног и одна голова. Не всегда понимаешь, какое это счастье.

– Наверное, они собирали их со всех уголков мира... – задумчиво произнес Олег. – Но знаешь, мне кажется, надо еще разузнать об этом цирке... Плохо, что мы сегодня наделали там шума...

– Я... – Алиса подняла чашку, организовав в ней новый водоворот.

– Ничего страшного, я сам едва не заорал, – сознался Олег.

– Я виновата, – пробормотала девушка, снова ставя чашку на стол. – Не стоило кричать. А еще та девочка... она окончательно поверила в то, что она урод и мутант. Надо было сказать ей что-то... хорошее.

Она подумала о том, что белокурая девочка после этой встречи еще сильнее укрепитесь во мнении, что ее боятся и не любят, и поверит во враждебность мира, ожесточится.

– Сегодня, думаю, возвращаться бессмысленно и опасно, – предположил Олег. – Но завтра можем приехать с самого утра, подкараулить ее и поговорить. Зита наверняка будет кормить лошадей и так или иначе появится на улице. Идет?

– Идет! Здорово! – обрадовалась Алиса. План показался ей по-настоящему спасительным.

Однако на следующее утро, когда они приехали на знакомое место, цирка уже не было. И вылинявший залатанный шатер, и трейлеры исчезли. Остались только несколько ящиков мусора, следы от шин да порванная афиша, которую лениво трепал ветер.

Цирк мутантов исчез, словно его и не было. А с ним и все его тайны.

3

Обрывки снов

После исчезновения цирка жизнь вернулась на круги своя. Олег ходил в школу, занимался со своим щенком Чудом, который удивительно подрос за короткое время, став размером почти с большую собаку, и по этому поводу ревниво утверждал во дворе свой статус, доставляя хозяину массу хлопот. В свободное время Олег пытался отыскать хоть какую-нибудь информацию о цирке монстров. Информации не попадалось, из чего Волков сделал вывод, что в Сети ее нет вообще. И это тоже показалось ему странным. Кто же откажется от рекламы через Интернет? Если странный цирк шапито не задействовал это мощное рекламное средство, значит, что-то там и в самом деле не совсем чисто.

В процессе поисков Волков наткнулся на статью об опытах над людьми, проводившихся в нацистской Германии на базе концлагерей, куда свозились пленные с захваченных территорий. Все эксперименты были чудовищными и в большинстве случаев приводили к смерти, калечили или лишали рассудка. Один из врачей, Йозеф Менгеле по прозвищу Доктор Смерть, проводил опыты и стал причиной гибели тысяч узников Освенцима. После поражения фашистов в войне он бежал, но не отказался от своего «призвания», сделав собственной базой один из маленьких бразильских городков, где прятался от возмездия. В этом городке он продолжал опыты над близнецами и долгое время действовал вполне успешно.

Олег прекрасно знал, что обычно ничего не попадает к нему случайно, и статья эта заставила его серьезно призадуматься. Неужели кто-то специально создает уродцев для цирка, чтобы выставлять их на потребу публике? Вряд ли. Это было бы слишком страшно и жестоко.

Как-то вечером, когда Олег в очередной раз бороздил виртуальные пространства, в комнату заглянула мама.

– Что это ты смотришь? – она брезгливо поморщилась при виде уродов на экране. – Гадость какая!

– Это несчастные с врожденными мутациями, – объяснил Олег. – Ошибки в генах. Еще и не такое бывает. Помнишь, я ходил в цирк? Там этих мутантов уйма.

– Плохая тема. Лучше не увлекайся ею, – мама нагнулась, чтобы потрепать за ухом вздумавшего охотиться на ее тапки Чуда. – Знаешь, когда твой отец работал в лаборатории, еще в советское время, у него был коллега, помешанный на разных мутациях. То ли Михаил, то ли Игорь, уже и не вспомню. Очень неприятный тип, – она покачала головой.

– И чем неприятный? – Олег насторожился.

– Ну... – мама задумалась. – Взгляд у него какой-то не такой... И руки. Такие нервные руки с тонкими пальцами. Он еще постоянно ими перебирал, и они казались мне похожими на пауков... Да бог с ним! Ведь сто лет не вспоминала, а теперь вспомнила на ночь глядя! Еще приснится не дай бог!

– А что с ним стало? – Олег даже приподнялся из кресла. Бывают же такие совпадения: вдруг это как раз тот Доктор Зло², которого он ищет?

Чуд, поддерживая хозяйина, подал голос.

– Тихо! – прикрикнула на пса мама. – Не знаю я, что с этим странным типом случилось. Отец твой его всего-то раза два приводил. А потом настали перемены, лабораторию закрыли.

² Доктор Зло – нарицательное имя злодеев, вошедшее в речевой обиход из серии фильмов «Остин Пауэрс». Этот персонаж является пародией на злодеев из Бондиады и прочих приключенческо-героических лент.

Сидит, наверное, тот тип в каком-нибудь захоластном научном институте и до сих пор опыты над крысами ставит.

– А отец?.. – тихо спросил Олег.

– Что отец? – мама, уже повернувшаяся к двери, замерла, словно по спине ей ударили бичом.

– Отец же тоже какие-то опыты ставил? – теперь Олег говорил едва слышно.

Но мама расслышала, потому что не ответила, а сгорбившись, вышла из комнаты.

Когда-то отец говорил, что наука все больше приходит на помощь медицине. Олег помнил белую мышку с механическими лапками, которая жила у них в доме. Это была совершенно обыкновенная мышка, обожавшая морковь и семечки, и только когда она бежала по столу, куда отец выпускал ее иногда, слышалось это душераздирающее: клац, клац, клац...

Что, если Доктор Зло – это...

Нет, не может быть! Нельзя даже думать об этом!

Олег изо всей силы ударил кулаком по столешнице, чувствуя такую отрезвляющую, такую благодатную боль.

Думать об отце такое – значит предать. А это хуже забвения, хуже смерти.

* * *

Несколько ночей после встречи с похожей на ангелка девочкой Алисе снились кошмары. И она, чтобы избавиться от них, стала уходить в чужие сны.

Оказалось, это можно делать так, чтобы своим присутствием не потревожить спящих людей. Чтобы ее не замечали, как заметила когда-то Светка. И теперь девушка бродила по этим снам, проникая в чужие жизни.

Алиса поняла, что ей совершенно не интересны подростковые эротические фантазии, ужасы и монотонное перемалывание трудовых будней офис-менеджеров, и стала выбирать для прогулок романтические сны или сновидения творческих людей.

Однажды она подсказала из-за плеча удачную рифму начинающему поэту, тот рассеянно поблагодарил Алису, а когда с удивлением обернулся, девушка из его сна уже сбежала. В другой раз она решила не прятаться и довольно долго проговорила с маститым киносценаристом на тему того, чего ждет современная молодежь от посещения кинотеатра. Несмотря на все Алисино красноречие, мэтр остался при своем мнении и наверняка проснулся злым и раздраженным.

Спустя некоторое время Алиса научилась мгновенно засыпать и так же мгновенно просыпаться. Правда, такое она позволяла себе только дома, ну или на прогулке, сидя в тихом месте, где никого не могла удивить задремавшая на солнышке девушка. А еще некоторое время спустя она уже могла проникнуть в чужой сон не засыпая, а войдя в своеобразный транс с открытыми глазами. Теперь она проделывала этот трюк и в школе, на особо нудных уроках. Одна часть ее сознания находилась в классе и даже следила за учителем, а другая в это время витала во снах. Ведь на земле в любую секунду всегда кто-нибудь да спит, поэтому без развлечений Алиса не оставалась.

Однажды, стоя перед серым «экраном» чужих снов, она вдруг заметила очаровательного карапуза, сидевшего на полу и готового разреваться. Перед ним была высоченная стойка с различным мороженым, конфетами и иными сладостями. Только вот беда: как малыш ни пыжился, а достать до стойки не мог, тянулся изо всех сил, терял равновесие и опять и опять падал на попу. И вот слезы навернулись на его глаза уже бесповоротно, мир вокруг него начал таять, и Алиса поняла, что малыш вот-вот со слезами проснется. Недолго думая, она решительно влетела в его сон.

– Привет, горемыка! – весело сказала Алиса. – Ты чего нюни распустил?

Малыш, надо сказать, такого никак не ожидал. Он моментально передумал плакать и уставился на Алису.

– А ты кто? – осторожно поинтересовался он.

Алиса брякнула первое, что пришло ей в голову:

– Добрая фея, не видишь, что ли?

Малыш замотал головой.

– Не-а! Добрые феи бывают с крылышками, у них есть волшебная палочка и вообще, они живут в сказках... – малыш опять пригорюнился.

– Глупенький, а мы где? Ну, посмотри на меня внимательно, чем это я на фею не похожа?

Малыш поднял на нее глаза, и тут пришла пора удивляться Алисе.

Она вдруг оказалась в переливающимся всеми цветами радуги платье, в хрустальных туфельках, и, кроме того, стала обладательницей пары крыльев, как у махаона! Совладав со своим удивлением, девушка сказала:

– Во, так-то лучше! А ну, говори, из-за чего были слюни и сопли?!

Малыш отвернулся и ткнул пальцем в сторону гигантской барной стойки.

– Всего-то? – засмеялась Алиса. – Дружок, в сказке мы или нет?

– Не знаю... – малыш все еще хмурился.

– Так, – скомандовала Алиса, – закрой глаза, вот хорошо, а теперь представь, что этот стол совсем низкий. И представляй его огромным, чтобы уместить на него всего побольше! Вот молодец, открывай глаза!

Когда Алиса уходила из этого сна, малыш, сидя на попе, взмахом руки подгонял к себе очередное лакомство и вгрызался в него. При этом он умудрялся оставаться чистым и мог съесть еще много всяких вкусностей. Где-то в середине стола все ярче и резче проступали детали новенькой игрушечной пожарной машины. Исчезновения доброй феи малыш не заметил.

Стало абсолютно ясно, что Алиса способна помогать другим людям, даже тем, кого не знает в реальном мире. Тогда девушка решила попробовать себя в роли «доброй феи» и стала искать те сны, где нужна ее помощь. Теперь гулять по снам стало гораздо интереснее. Сначала она специально выискивала малышковые сны, но потом круг снов расширился...

Правда, стоило забыть и расслабиться, как возвращался все тот же странный сон, который девушка видела в ночь после ужасного выступления. Он начинался всегда внезапно, только тогда, когда Алиса просто спала, а не гуляла по снам. Он вспыхивал так, будто в темной комнате разом зажигались тысячи прожекторов.

Перед ней возникала все та же богато обставленная комната со старинной мебелью и красивая, ухоженная француженка. Женщина подходила к колыбельке, наклонялась над ней, и вдруг лицо ее искажалось от ужаса. Но теперь Алиса не видела того, кто лежал в колыбельке, потому что в этот момент всегда просыпалась.

Каждый раз она говорила себе, что вот сейчас пойдет и досмотрит этот сон до конца, поймет, что же так ужаснуло француженку, и, каждый раз засыпая, оказывалась совсем не там. А через некоторое время и сам сон прекратился, и Алиса вроде бы забыла о нем навсегда. Так ей казалось...

* * *

Мысли об отце не давали Олегу покоя. Он больше не спрашивал о нем у матери, чтобы лишний раз не волновать ее, она и после прошлого разговора несколько дней пребывала в глубокой депрессии. Зато еще раз внимательно пересмотрел все вещи, оставшиеся от отца, зачем-то обстучал все стены в поисках тайников и, наконец, добрался до последнего подарка.

Трость с серебряной рукоятью в виде головы грифона принес курьер, не сообщив имени отправителя, но Волков каким-то глубинным чувством ощущал, что эта вещь связана с отцом.

После тщательного изучения рукояти у Олега почти не оставалось сомнений: перед ним один из хитроумных механизмов, в которых отец был большим мастером. Интересно, а можно ли открыть его, не ломая?

Эта задачка показалась Олегу интересной, и теперь он спешил из школы, чтобы просидеть за изучением трости целый вечер. При повороте рукояти раздавался легкий щелчок, значит, внутри – что-то вроде кодового замка. Олег попробовал разные комбинации, нащупывая правильную, и понял, что требуется что-то еще, какой-то неизвестный компонент. Глаза отлитого на ручке грифона были выполнены из камней и чуть выступали из оправы. Если нажать на них, ничего не шелкало, однако парень не сомневался, что они несут некую функцию. Например, как разделитель. Очевидно, что пароль – какое-то число, которое можно обозначить поворотами рукояти. Если есть разделитель, этим числом может являться дата. Например, день рождения отца – двадцать седьмое марта.

Он попробовал повернуть ручку нужное число раз. Не сработало.

Хитрый механизм так и не желал открываться. Не подошли и другие памятные для отца даты: день рождения мамы, дата их свадьбы, день рождения самого Олега. Он зашел в тупик. Пришлось оставить трость в покое.

Однако весь следующий день в голове вместо уроков крутились различные комбинации. Сдаваться было рано.

Перепробовав массу вариантов, парень вдруг догадался, что не учел один фактор: крутить рукоять можно как в одну, так и в другую сторону. Приходилось начинать все заново. Слава богу, упорства Олегу было не занимать. И вот на третий день наконец повезло.

Подошла дата его дня рождения: третье января – три щелчка в одну сторону, нажатие на разделитель и поворот в обратную. Сработало!..

Раздался легкий щелчок, и клюв грифона раскрылся, словно серебряное чудовище ожило.

Значит, Олег на верном пути, и трость действительно прислана отцом.

Но что же там, в небольшом углублении? Руки немного тряслись, когда Олег вытряхивал из тайника свернутую в трубочку тонкую бумажку.

Парень развернул ее и сразу узнал небрежный почерк отца. Буквы скакали по странице, сталкивались и разбегались, словно, как отец, все время куда-то спешили.

Ему отчего-то стало страшно. Два противоречивых чувства разрывали парня на части – он хотел и в то же время боялся прочитать записку, длил и длил этот миг на пороге, миг, к которому невозможно будет вернуться, отмотать время вспять...

Чуд, настороженный странным поведением хозяина, залаял. Ему совсем не понравились ни манипуляции с тростью, ни записка. Похоже, что щенок был готов разорвать ее в клочья прямо сейчас или сгрызть – чтобы она не расстраивала любимого хозяина.

– Сидеть, Чуд! Все нормально, – скомандовал Олег.

Щенок недоверчиво поднял ухо, но все же сел, впрочем, готовый в любой момент вскочить и спасти из очередной беды своего глупого человека.

– Ты прав, пора с этим покончить, – пробормотал парень и принялся читать.

Мой дорогой Олежик!

Не думай, что я забыл о тебе или твоей маме. Вы оба по-прежнему в моем сердце и будете там, что бы ни случилось. Но обстоятельства складываются так, что я не могу находиться рядом с вами: опасность была бы слишком велика. Может, когда-нибудь ты поймешь мотивы моих поступков и сможешь меня простить. А пока не пытайся меня

найти. Я обращаюсь к тебе как к взрослому, как к мужчине, и прошу не говорить об этом письме маме. Она ведь часто плачет по вечерам, я знаю, это так. Не стоит волновать ее понапрасну. Если дела изменятся, я вернусь к вам. Береги эту трость и бумагу, в которую она была завернута, – в них большая часть моей жизни. Остальная – в вас.

Люблю и целую, отец.

Олег перечитал записку несколько раз. Веселенькое дельце! Отец ничего не объясняет, ссылаясь на смутные обстоятельства, и просит беречь какие-то вещи. Он знает, что мама плачет, но его это, видимо, ни капли не волнует. Обделывает где-то свои тайные дела... «Грязные дела» – подсказал другую формулировку внутренний голос.

Отцу на семью наплевать.

Бешенство захлестнуло Олега. Он схватил трость и швырнул ее в стену.

Неужели его отец – негодяй? А что, вполне вероятно. Когда Алиса встретила его в мире снов, он вполне мог сыграть, преследуя какую-то свою цель. Он все время говорил о какой-то опасности. Тогда им показалось, что речь идет только о школе, где находилось что-то вроде портала, связывающего наш мир с зазеркальем, где томились закрытые боги. Но вдруг опасность была связана с экспериментами самого отца? Олегу казалось, что эту версию нельзя отбрасывать.

Чуд, бросившийся за тростью сразу же после броска хозяина, теперь грыз ее с яростным рычанием, словно злейшего врага.

Олег вдохнул поглубже, выдохнул и, подойдя к щенку, забрал у него трость. Не стоит давать волю гневу. Раз отец сказал, что это важная вещь – ее нужно сохранить, но вовсе не обязательно возвращать по первому требованию. А бумага... ах, в бумагу он завернул подаренную Алисе книгу, и девушка наверняка выбросила ненужную упаковку. Какие секреты может скрывать оберточная бумага? Жаль, что он не догадался сразу проверить ее на горячей лампе или под ультрафиолетовым фонариком. Существует множество способов писать невидимыми чернилами...

Чуд настрожился и тихо твякнул, а вслед за тем послышался звук открывающейся двери. Это вернулась с работы мама, и уже через минуту она заглянула в комнату.

– Что случилось? – спросила она тихо и посмотрела на сына расширившимися глазами.

Он, комкая в кулаке записку, криво улыбнулся.

– А с чего ты взяла, что что-то случилось?

– У тебя такое лицо...

– От тебя ничего не скроешь, – Олег тяжело вздохнул. – Вот пару схватил...

Мама посмотрела недоверчиво.

– И всё? Больше ничего плохого не случилось?

– Тебе что, пары недостаточно? – буркнул Олег, опуская взгляд – лишь бы только не смотреть ей в глаза.

– Дурачок! – мама подошла и обняла его за плечи. – Бог с ней, с этой двойкой, исправься, ты у меня очень умный. Главное, чтобы с тобой все было в порядке.

– А что мне делается?! – он хмыкнул.

Когда мама ушла, он тяжело опустился в кресло. В животе было пусто, словно туда, как в воздушный шарик, закачали гелий. Олег солгал. Но это все-таки единственный пока выход. Он не скажет ей об отце ни слова. По крайней мере, до того, пока не убедится, кто его отец на самом деле и чем таким важным и опасным занимается там, вдали от семьи.

4

Лицо в тумане

Постепенно кошмар, увиденный в цирке, стал не то чтобы забываться – скорее застилаться туманом, тускнеть, как тускнеет вывешенное на яркое солнце цветное белье. Но все же воспоминания о цирке тревожили девушку.

«Надо рассказать об этом странном цирке кому-нибудь... Тому, кто поймет и сможет помочь, – думала она, лежа в постели. – Решено, нужно сегодня же отыскать того... синеглазого... Кто разберется во всем этом, если не он?..»

Синеглазый парень являлся ей во снах и уже помогал Алисе, когда они с Олегом пытались не допустить возвращения в наш мир древних богов. Синеглазый был самым необыкновенным из тех, кого она когда-либо встречала, и каждый раз, когда девушка вспоминала о нем, ее сердце учащенно билось.

И если Олег являлся своим, в целом обычным парнем, то синеглазый представлялся ей существом почти мифическим. Он был идеальным – красивым, уверенным, сильным, а еще загадочным, и от этого еще более притягательным. Как странно, что он исчез и не появлялся с тех самых пор, как закрыл зеркальный путь в наш мир. В ее голову уже приходила мысль разыскать его, но Алиса отказалась от этого намерения, представив, как жалко и глупо будет выглядеть в его глазах. Что ни говори, она никогда ни за кем не бегала! Но теперь у нее был серьезный повод, не какая-нибудь блажь, и искать синеглазого она собирается не ради него самого, а ради дела.

Алиса заснула легко – скользнула в сон серебристой рыбкой, и вот уже оказалась в знакомом мире. Искать синеглазого незнакомца нужно было где-то там, в туманном пространстве, в зыбком мире еще не зародившихся сновидений.

– Где ты? – позвала Алиса, шагая через густой клубящийся туман.

Никто не ответил, но девушке казалось, что она уловила верное направление. Подчиняясь обострившимся, почти кошачьим инстинктам, она уверенно двигалась через туман и вскоре поняла, что идет по дорожке, выложенной желтым кирпичом. Местность, лежащая по обеим сторонам дорожки, утопала в тумане, но Алиса видела на обочине то куст, где вперемешку росли белые и алые розы, то кусочек луга с пасущейся на нем пасторальной овечкой, такой миленькой, пушистой и белой, словно она была облачком. Когда неподалеку от дороги показался хорошенький маленький домик и Алиса разглядела, что черепицей на его крыше служит настоящее шоколадное печенье, а окно подозрительно леденцово поблескивает, ее терпение истощилось.

– Это шутка? – крикнула она в туман. – Ты со мной играешь?

Но ответа не было, только где-то далеко звучала тихая, похожая на зов ветра мелодия.

– Ну хорошо, поиграем!

Алиса сошла с дорожки и пошла напрямик через туман. Она не сомневалась, что синеглазый знает о ее присутствии, ей казалось, что он где-то рядом...

Туман становился все плотнее и плотнее, забивался в легкие, мешая дышать, но девушка не сдавалась.

«Ага! Еще немного!» – с радостью подумала она, почувствовав, что туман начинает редеть, сделала еще шаг и... оказалась на дороге из желтого кирпича. Как раз в том месте, где с нее сошла.

– Значит, вот ты как! – пробормотала Алиса, закусив губу. – Ну ничего, еще посмотрим...

Она сосредоточилась, потянула на себя ручку невидимой двери и шагнула в проем, чтобы выйти уже рядом с тем, кого искала... Но снова оказалась в том же месте, у пряничного домика.

«Может быть, мне нужно туда?» – подумала Алиса. Она двинулась к пряничному домику, но чем ближе девушка подходила, тем меньше он становился и в конце концов оказался лежащим на траве обычным фигурным пряником, покрытым разноцветной глазурью. Возле пряника лежала записка: «Съешь меня».

– Это уже из другой сказки, – пробормотала девушка, но все же подняла пряник и осторожно откусила от него. Пряник оказался вкусным и... всё. Никаких чудес не происходило.

– Так нечестно! – Алиса едва не заплакала от разочарования и удержала наворачивающиеся на глаза слезы только из-за того, что сообразила: за ней наверняка наблюдают. – Поиграли – и, может, довольно?

Никто не отозвался, а легкая незатейливая музыка все так же, дразнясь, вилась где-то неподалеку.

– Здесь становится скучновато! – девушка театрально зевнула и повернулась, ожидая, что ее остановят. Ничуть не бывало.

«Так, наверное, бывает, когда тебя занесли в черный список, как какого-нибудь спамера», – подумала Алиса. Синеглазый довольно очевидно дал понять, что не желает ее видеть. Это было ужасно обидно, но оставалось только проглотить собственную обиду и заняться чем-то другим, и девушка поклялась себе не думать о странном незнакомце, а заниматься уже привычным делом.

С таким намерением Алиса покинула дорогу из желтого кирпича, в ее случае не оправдавшую возложенных надежд и не приведшую к исполнению желания, и вернулась к просмотру младенческих снов. Подбадривая малышей и отгоняя ночные кошмары, она в привычном уже образе доброй феи рассматривала проносящиеся мимо нее картинки, как вдруг одна из них заставила девушку съежиться, как от удара. От этого, несомненно детского, сна веяло такой болью, безнадежностью и отчаянием, что Алисе стало страшно. В первую секунду она чуть было не бросилась в сторону, но вдруг ей сделалось стыдно. Утешить сопливого малыша, дать ему конфетку или рассказать простенькую сказочку может любой, но не каждый решится подставить плечо там, где требуется реальная помощь. И Алиса, зажмурившись, пошла в неведомый кошмар.

Она оказалась в аду. Маленький человечек не знал, как он выглядит, он не представлял, есть ли у него мама и папа и что это такое, он не понимал, где находится. Воспоминания о бодрствовании были сплошной болью, физической и моральной, наяву он не замечал ничего вокруг, он уже не мог кричать от боли, он никогда не ел из женской груди, все необходимое поступало в организм по трубкам.

Ужаснувшись, Алиса вышла из транса и обдумала ситуацию. Что же, могло оказаться так, что малыш родился больным и теперь лежит в реанимации, от этого никто не застрахован. А может быть, он попал в больницу после рождения или это родовая травма, мало ли что может случиться с ребенком? Тем более это не повод отказывать ему в помощи! И Алиса, снова погрузившись в транс, поспешила на помощь маленькому человечку. Малыша Алиса нашла на удивление быстро. Было впечатление, что ее привели к нему за руку. Алиса не сразу сообразила, что это странное, только отдаленно похожее на человеческое тело, да и то только до груди, и есть тот самый малыш. Вместо головы у него была странная бесформенная масса. И Алиса вдруг догадалась, что малыш никогда не видел себя ни в зеркале, ни в материнских глазах. Может быть, ему попадалось собственное отражение в медицинских инструментах, и может быть, именно это заставляет ребенка так ужасно выглядеть в собственных снах. Все это дошло до Алисы сразу, и она даже не очень испугалась. Да и уродливое тело малыша Алиса списала на особенности детского восприятия.

Или... девушка вздрогнула, вспомнив представление в цирке монстров. Может быть, она попала в сон к кому-то из труппы?

Ее внимание напугало малыша. Он вздрогнул и попытался отползти.

– Не бойся, – Алиса улыбнулась, – я тебя не обижу.

Ребенок посмотрел внимательно и серьезно. У него были темные, без белка, глаза, кажушиеся бездонными пропастями.

– Ты меня понимаешь? – снова спросила она, присаживаясь на кровать, где лежал малыш. – Я хочу тебе помочь.

Он молчал, а устремленный на девушку взгляд был таким же непостижимым, как у инопланетянина.

– Не понимаешь, – она вздохнула и медленно поднялась с кровати. – Очень жаль...

Но тут тонкая, словно изломанная, рука сжала запястье Алисы так крепко, что девушка едва удержалась от крика.

– Не уходи, – сказал ребенок хрипло. – Ко мне раньше никто так не приходил и не разговаривал.

Алиса снова села.

– Как тебя зовут? – спросила она ласково.

– Никак... – он наморщил лоб, собирая его, словно гармошку, глубокими некрасивыми складками. – Я не знаю... У меня должно быть имя?

Девушка закусила губу. Что за несчастное, обездоленное существо, лишенное всего, даже имени?!

– Я буду звать тебя Квазимодо, – решила она. Имя Квазимодо принадлежало персонажу Виктора Гюго, книгу которого Алиса как раз недавно прочитала. – Он был некрасивым, но очень добрым.

– А что такое добрый? Что такое некрасивый? – тут же последовали новые вопросы.

Нет, этот малыш, несомненно, какой-то инопланетянин.

– Не уходи, – вдруг попросил он, – когда ты здесь, не так... больно.

Девушка начала возиться с ребенком, успокаивать его, рассказывать ему сказки, петь детские песенки и глупые считалки, которые сама тут же выдумывала.

Разбудила ее мама, обеспокоенная тем, что дочь целый день спит. Да и Маркиза сидела обиженная невниманием хозяйки.

– Ты очень эгоистичная кошка, – укорила ее Алиса. – Тебя любят, за тобой ухаживают, а Квазимодо там совсем один... Ему обязательно нужна моя помощь... в следующий раз непременно спрошу его о цирке. Вдруг он что-нибудь знает.

Тут мысли как-то сами собой переключились на синеглазого. Решила ведь не думать о нем, а думала! Это было очень досадно. Почему же он не хочет с ней встречаться? Может, потому, что она чудовище? Может, она вызывает у него такое же отвращение, как когда-то у собственного отца?

А вдруг это недоразумение? Что, если есть неизвестные Алисе обстоятельства, по которым синеглазый пока не может с ней встретиться? Вдруг за ним следят, и он оберегает Алису?..

Телефонный звонок прервал ее мечты, и, посмотрев на экран, девушка отчаянно смутилась. Ей почему-то стало ужасно стыдно, словно Олег мог откуда-то знать, о чем именно она сейчас думала.

– Привет! – сказала девушка в трубку как можно более беспечно и весело, опасаясь при этом, что ее маленькая игра мгновенно окажется разгаданной, но, похоже, у Волкова были свои проблемы.

– Выйди, пожалуйста, в скайп, – попросил он хмуро.

– Уже... – Алиса согнала со стула Маркизу, которой именно сейчас захотелось запрыгнуть на стул перед компьютером, чтобы получше вылизать правую заднюю лапку.

Вот на экране появилось хмурое лицо Олега.

– Что-то случилось? – забеспокоилась девушка.

– Так... Хотел попросить тебя кое о чем, – Волков уставился куда-то на столешницу своего стола. – Ты же по-прежнему можешь ходить по снам?

– Даже лучше, чем раньше, – призналась она. – Как раз хотела тебе рассказать... Но потом, давай сначала ты.

– Я... – Он помолчал, потом поднял на нее тяжелый взгляд: – В общем, мне обязательно нужно снова найти отца. У тебя уже получалось сделать это в том мире. Пожалуйста, возьми меня с собой.

– Это опасно, – напомнила Алиса, а потом спросила: – Для тебя это действительно очень важно?

– Очень, – подтвердил Олег, глядя ей в глаза.

– Хорошо, – девушка кивнула. – Я постараюсь, но не могу ничего обещать.

– Спасибо, – он скупно улыбнулся. – Кстати, давно хотел спросить: ты ведь выбросила подарочную бумагу, ну, ту, в которую была завернута книга?

Вопрос был очень странным. Букинистическое издание «Трех мушкетеров», подаренное Олегом, лежало у Алисы на столе. Ей нравилось касаться пожелтевших от времени страниц, открывать книгу наугад, гадая на ней, будет ли удачным день, проводить пальцем по расплывшимся чернилам старой благодарственной надписи на первой странице... Эта книга вошла в ее жизнь так плотно, словно была в ней всегда.

А бумага... Да, была и бумага. Тоже старинная, очень красивая. Алисе даже стало жаль ее выбрасывать, и некоторое время она лежала на шкафу, пока ее не заметила мама. Заметила и попросила для знакомой художницы, просто обожавшей подобные вещи.

Конечно, Алиса тут же отдала старинную бумагу, понимая, что у нее бумага станет простым пылесборником, а художница превратит ее во что-нибудь необыкновенное, по-настоящему волшебное.

– Тебе нужна эта бумага? – поинтересовалась девушка.

– Не то чтобы очень... Но, в общем, она связана с моим отцом. Мне кажется, с ней все не так уж просто...

– Я не знала, – Алиса представила, что придется просить у мамы забрать обратно подарок, и как будет неприятно маме, и что подумает об этом ее знакомая... картина получалась безрадостная.

– А, пустяки, – Олег махнул рукой. – Нет так нет. На самом деле вовсе не важно.

– Точно?

– Забудь! Я просто поинтересовался.

Он замолчал.

– А что с цирком? – напомнила Алиса. – Ты узнал что-нибудь новое?

– Нет. Никаких следов. Даже рекламы. И все это очень странно... А ты просто так спрашиваешь?

– Не просто так. Представляешь, сегодня я случайно встретила во сне ребенка... очень странного ребенка... – и Алиса рассказала ему о Квазимодо.

Вечером, как и договаривались, Алиса отправилась искать Олега. До этого, во время своих недавних экспериментов и путешествий, Алиса сознательно избегала знакомых людей. Смотреть их сны было как-то нечистоплотно, словно заглядываешь через плечо в секретный дневник, и особенно это касалось мамы и Олега Волкова.

Сегодня это правило пришлось нарушить.

* * *

Он находился на арене, и вокруг бегали мыши со скрипящими механическими лапками.

– Драгоценная, сладенькая публика, посмотри-ка на этого неудачника! Скажите, кто из нас неуклюжий урод? – спросил отвратительный карлик в клоунском гриме, с криво намализованной жуткой усмешкой и ловко прошелся колесом, затем схватил одну из мышей и принялся жонглировать ею.

Олег метался в круге, не зная, как из него вырваться. Он не видел сидящей в темном зале публики, но слышал ее смех, ощущал ее присутствие и устремленные на него взгляды, как ощущают присутствие невидимого чудовища. Публика как раз и казалась ему ужасным многоглазым чудовищем, притаившимся во тьме в жадном ожидании своего часа.

– Перед нами Олег Волков, – продолжал свой анонс карлик-клоун. – Он подозревает своего отца в чудовищных преступлениях! Вот и прекрасненько! Давайте посмотрим, много ли доброго осталось у него в душе. Давайте-ка вскроем его душу и заглянем в нее. Вот это будет номер! Итак, впервые на манеже...

– Нет! – закричал Олег. Он хотел убежать, но ноги словно приросли к полу.

В этот самый миг на арену вышел человек в черном, с лицом, закрытым глухой черной маской.

– Вот и наш главный распорядитель! – приветствовал появление нового персонажа клоун. – И кто же скрывается под маской? Драгоценная публика, Олег, ваши мнения!

Человек в маске захохотал и потянулся к завязкам.

– Нет! – Олег зажмурился. Он не хотел ничего видеть! Не хотел – и всё!

– Олег! Олег! Ты слышишь меня?

Зовущий его голос оказался знакомым.

– Олег! – Кто-то коснулся его руки и потянул прочь.

Волков осторожно открыл глаза и встретился с пронзительным взглядом желтых кошачьих глаз на нежном девичьем лице.

– Алиса?.. – Олег отер со лба пот и огляделся, пытаясь сообразить, где находится.

Они стояли на высоком зеленом холме, внизу под ними лежала долина и праздничной шелковой лентой блестела река.

– Это один из уголков страны снов, – объяснила девушка. – Здесь всегда спокойно.

Олег кивнул и посмотрел на нее.

– Спасибо, что вытащила меня. Очень... – он замялся, подбирая слово, – неприятный был сон.

– И часто ты такие видишь?

– Почти каждую ночь после посещения того цирка, – признался Олег. – Слушай, а как ты легко ходишь по снам? Можно ли этому научиться, чтобы хотя бы уходить из неприятного сна? Я читал про осознанные сновидения, когда человек берет под контроль свой сон, но рассказывают скорее о том, как проверить, спишь ты или не спишь, реально ли то, что ты видишь. Но мне кажется, главная проблема – как раз усомниться в реальности происходящего. Тот цирк, откуда ты меня забрала, был совсем настоящим... – Парень поежился от неприятных воспоминаний.

– Я не знаю, – призналась Алиса, – у меня все выходит как бы само собой, надо только сосредоточиться на какой-то детали. Например, я смотрю на свои руки, пока не начинаю видеть их четко, без искажений. Потом трогаю предметы. Во сне они другие... как будто немного пружинистые. А потом начинаю подстраивать мир под себя. Вот смотри, я хочу, чтобы на этом месте была дверь.

Девушка сосредоточенно уставилась в пространство перед собой, а потом протянула руку, взялась за невидимую ручку и потянула ее на себя.

В этот момент Олег и вправду увидел, что в воздухе появился четкий контур двери. Алиса ее открыла. В дверном проеме был вязкий плотный туман.

– Это пространство между снами, – объяснила она. – Мне кажется, что из этой массы и создаются сны, поэтому даже твердые предметы в них изменчивые и немного зыбкие.

– Можно я попробую? – попросил Олег.

Алиса закрыла свою дверь, и он нахмурился, пытаясь сосредоточиться и повторить фокус. Ничего не выходило. Взгляд скользил, цепляясь за деревья на горизонте, за проплывающие облака, которые, оказывается, под взглядом постоянно меняют форму...

– Не получается, – признался он наконец.

– С первого раза никогда не получится, – согласилась Алиса. – Но можно пробовать. Хотя, думаю, у тебя просто другой талант. Все люди разные, и способности у них тоже абсолютно разные. Но, пожалуй, один совет я тебе дам.

– Какой? – поинтересовался Олег.

– Если снится кошмар – просыпайся. Это легче. Сделай что-нибудь неожиданное, нарушающее течение сна.

– Попробую, – кивнул Олег и, помолчав, добавил: – Ну что, будем искать отца?.. Я могу тебе как-то в этом помочь?

– Конечно! Между вами связь, – заверила Алиса. – Думай о нем. Отправляй в пространство запрос, как в Интернете. И возьми меня за руку.

Олег, поколебавшись не больше секунды, взял ее руку и стал вспоминать отца. Как тот сидел, склонившись над столом, погруженный в непонятные формулы, как трепал сына по волосам, их немногочисленные совместные походы и то, как ловко его крупные пальцы собирали крошечные детальки, соединяя их друг с другом... Странно, прошло не так уж много времени, а образ отца как-то сгладился, почти стерся. Олег никак не мог воспроизвести его в деталях.

Он покосился на Алису, боясь, что она упрекнет его в неумении сосредотачиваться.

– Это нормально, – успокоила девушка, – у меня тоже не сразу получается найти верный путь. Сейчас мы пойдем сквозь сны, а ты ищи и думай.

В воздухе перед ними опять появилась дверца. Алиса открыла ее и потянула Олега туда, в липкий туман. Идти оказалось тяжело. Туман был пригоден для дыхания примерно так же, как клей для питья. Но, несмотря на трудности, Олег не позволял себе расслабиться. У него была цель, а еще на него полагалась Алиса, нельзя ее подвести.

Он старался не выпустить из внимания образ отца, и постепенно тот становился все более и более четким. Олег видел, как отец хмурится, как характерным жестом трет складку между бровями указательным пальцем... Он видел его палец с коротко подстриженным ногтем, с ожогом, оставленным каким-то реактивом...

– Олег?..

Волков моргнул. Оказывается, они с Алисой вышли из тумана и снова оказались в отцовской лаборатории. Точно такой, как видел ее Олег, в прошлый раз встретив отца в мире снов.

Отец смотрел на него, но в этом взгляде не было радости.

– Вы напрасно пришли, – сказал он. – Я же не раз предупреждал вас, что вы рискуете.

Сердце сжал стальной обруч, во рту стало горько, но Олег не позволил эмоциям взять над собой верх.

– Папа, я должен задать тебе важный вопрос, – сказал он, глядя в глаза сидевшему за столом человеку. – Всего один, а потом мы уйдем, обещаю.

Человек кивнул.

Можно было бы спросить, почему тот бросил семью, зачем скрывается от них и не хочет разговаривать даже здесь, в смутном мире снов и иллюзий. Но важнее всего для Олега сейчас было другое. Вопрос, сидевший в нем, обжигал гортань, причиняя страшную боль, и требовалось непременно от него избавиться, получить на него хоть какой-то ответ.

– Папа, ты проводишь опыты над людьми? – спросил Олег резко. – Поклянись, что никогда не делал ничего такого!

Ученый отвел взгляд и... промолчал.

Олег почувствовал себя так, словно его изо всех сил ударили в живот.

– Ты не знаешь о чем спрашиваешь... – ответил отец. – Я клянусь, что никогда не действовал во зло и никто не сможет заставить меня сделать это...

Слова, слова, слова. Олег задал конкретный вопрос, а получил стандартную отмазку о добре и зле – сомнительную и нечеткую, как и многие философские категории. Отец не сказал «нет», и это уже само по себе являлось ответом.

– Олег, пойми, я никогда...

Отец шагнул к нему, но Олег в ужасе отступил.

– Пожалуйста, не ищи меня! Как бы я хотел тебе объяснить... – сказал ученый, и вдруг его фигура, как и в прошлый раз, стала мигать, становясь все более нечеткой.

Он опять исчезал. Сбежал? А что, если и раньше он сбежал? Что, если тот человек из сегодняшнего кошмара – отец?

– Алексей Михайлович, подождите! – закричала вдруг Алиса, безмолвно присутствовавшая при этой сцене.

Дальше произошло нечто странное – девушка выпустила руку Олега и обеими руками вцепилась в рукав белого халата его отца. А потом они оба пропали.

Олег остался в лаборатории один.

– Надо просыпаться!

Он попытался ущипнуть себя за руку, но нужного эффекта не достиг.

– Это осознанное сновидение. Я сплю, а значит, могу проснуться! Раз... два... – На счет «три» он почувствовал, будто под ногами распрямляется гигантская пружина. Олег резко взлетел в воздух и...

Действительно проснулся в своей кровати.

Потянувшись к столу, парень схватил мобильник и поспешно, то и дело попадая не на ту букву, набрал сообщение Алисе: «ТЫ СПИШЬ?» И только отправив его, подумал, что вообще-то глубокая ночь. Но как дожить до утра? Вдруг Панова что-нибудь узнала?

Ровно через две минуты томительного ожидания, показавшиеся Волкову вечностью, телефон зазвонил.

– Да? – прошептал он в трубку, боясь разбудить чутко спящую в соседней комнате маму.

– Твой отец проснулся, – голос Алисы прерывался от волнения. – Но я была с ним и целую секунду видела его глазами! Я и не знала, что такое возможно!

– И что же ты видела? – губы разжимались с трудом, словно каменные.

– Горел электрический свет, и я разглядела комнату с белыми стенами, а еще человека в белом халате.

– Это врач? Отец в больнице? – спросил с волнением Олег.

– Не уверена... Этот человек почему-то не похож на врача. У него такие страшные глаза... совсем рыбы, – пробормотала девушка.

– Что значит «рыбы»?

– Ну, холодные такие, круглые. У меня от них мурашки по коже. Он смотрел, словно сканировал.

– А потом? Что было потом? – поторопил ее Олег.

– А потом меня оттуда выбросило, словно пробку из шампанского, и я проснулась.

Олег почувствовал разочарование: он уже надеялся на нечто большее. Алиса молчала, и он наконец сообразил, что ведет себя практически по-хамски.

– Спасибо, – сказал Волков поспешно. – Ты смогла узнать очень много.

– А польза? – девушка вздохнула. – Мы все равно так и не выяснили, где твой отец.

– Не беда, – успокоил ее Олег. – Ты же запомнила этого, с рыбьими глазами, и узнаешь, если когда-нибудь увидишь... Мало ли, всякое бывает... А я завтра еще в Сети пороюсь. Есть у меня один план...

Попрощавшись с Алисой, Олег лег на кровать, но заснуть так и не мог. Он думал о пропавшем отце, но мысли невольно перескакивали на девушку. Они опять вместе влезли в какое-то дело, она опять рядом, но польза? Разве стала Алиса от этого понятнее и ближе? Она, конечно, всегда готова прийти на помощь и держится с ним как друг... Вот именно – только как друг, и ничего большего. Волков замечал, что девушка продолжает соблюдать дистанцию. Почему? Ответ был очевиден, но печален: она просто-напросто не воспринимала его в другом качестве.

– Ну и ладно, – сказал Олег Чуду, у которого во сне смешно дергались ноги, будто он за кем-то бежал, – мы с тобой – одинокие волки. Нам никто не нужен!

Заявление, как понимал сам Олег, не было правдивым на сто процентов, зато немного успокаивало. Одинокий мальчик-герой и его собака... Это могло бы казаться даже романтическим, если бы не было так грустно.

«Меняю килограмм грусти на килограмм пуха – развею по ветру, – подумал парень. – Или на килограмм конфет, тоже неплохо».

5

Друзья и враги

Этой же ночью Алиса снова отправилась к Квазимодо.

Ей хотелось выяснить, что произошло с малышом. Постепенно из небольших деталей, отрывочных воспоминаний, запахов и разрозненных клочков виденного ребенком наяву у Алисы сложилась определенная картина. Правда, совершенно непонятная девушке.

Получалось, что сначала у малыша все было хорошо. Ему было тихо, тепло, уютно и любимо. Почему именно «любимо», Алиса так и не поняла. А потом вспыхнул яркий свет, и то, что было этим самым «любимо», куда-то пропало. И стало опять темно, тепло, но уже не любимо, а больно и все больше и больше страшно.

В этом обрывочном повествовании несколько раз проносился образ какой-то женщины, в которой Алисе что-то показалось смутно знакомым. К образу этой женщины Квазимодо все возвращался и возвращался, словно пытаясь вспомнить то, чего никогда не видел. На заданный вопрос, то ли это «любимо», малыш отвечал категорическим «нет». Но вспоминал эту женщину чаще и чаще.

Стремясь повторить опыт, проделанный с отцом Олега, девушка пыталась последовать за своим подопечным, когда тот просыпался. Но в ту ночь у нее не получилось. Возможно, Алиса слишком устала.

Наутро она долго лежала в кровати, думая о событиях прошлой ночи. А еще ей не давало покоя ощущение, что синеглазый незнакомец где-то поблизости. И в лаборатории, где Олег разговаривал со своим отцом, и позже, у Квазимодо, Алису не оставляло чувство, что за ней наблюдают. Она даже оглядывалась, пытаясь разглядеть среди тумана того, кто следит за ней, но пока что это никак не удавалось. Она решила, будто невидимый наблюдатель – тот самый синеглазый парень, но почему, Алиса не знала. Возможно, просто принимала желаемое за действительное.

В школе они с Олегом почти не общались, а по окончании занятий пошли домой вместе.

– Попробую что-нибудь накопать об отце. Чувствую, что подошел очень близко, а нащупать ничего не могу... – задумчиво говорил Олег, идя рядом с ней по улице.

– Держи меня в курсе, – попросила Алиса.

– Договорились... – Он помолчал. – Какие планы на сегодня? Что-то особенное?

Сердце глухо ударилось о грудную клетку. Звучит почти как приглашение. Чтобы опомниться, пришлось до боли закусить губу. Да, ее тянет к Волкову. Печально, но факт. Зато тянет не настолько, чтобы она потеряла голову и поддалась этому сумасшедшему зову. Он просто привык, что девчонки сами вьются вокруг него. Стоит только поддаться – и адью. Он рассмеется и оттолкнет ее в точности так же, как оттолкнул когда-то отец. И вообще, ей же нравится другой... Разве бывает так, что тянет сразу к двум парням? У нормальных девчонок такого точно не бывает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.